

Вернувшись в пещеру, Цзян Шэнь сразу же занялся перевязкой маленького лиса.

Рана на его задней лапке была не слишком большой, кровь уже остановилась, но пропитанная кровью шерсть слиплась в тёмно-бордовые прядки.

Цзян Шэнь осторожно коснулся её — маленький лис вздрогнул от боли.

— Потерпи, — мягко сказал он.

Цзян Шэнь действовал очень аккуратно: смочил рану чистой водой, тщательно промыл её, затем нанёс травяное лекарство.

К счастью, от того лекарства, которое раньше нашёл сам лис, ещё немного осталось.

Пока перевязывал, он наблюдал за выражением мордочки.

На этот раз маленький лис был совсем на грани — кусал зубами одежду Цзян Шэня, красные глаза заблестели от влаги, и он тихо всхлипывал.

Цзян Шэнь сказал:

— Ты ведь едва не плачешь, а совсем недавно делал вид, будто всё в порядке...

Хорошенький маленький оборотень.

— Н-не так уж и больно, — тихо возразил лис. — Раньше было куда хуже.

И это не считалось ложью.

По сравнению с тем, как больно было после удара молнией во время небесной кары, эта рана — сущая мелочь.

Но боль остаётся болью.

А Ли Жуань ужасно боялся боли.

Он жалобно думал об этом, даже не замечая, что Цзян Шэнь внимательно наблюдает за ним.

— Ты сильно страдал раньше? — спросил Цзян Шэнь.

Прежде он сомневался в рассказах маленького лиса о том, какой он «великий оборотень», но после того, как видел, как тот сегодня сражался с хорьком, большая часть сомнений исчезла.

Такое маленькое тело... а загнал духа, практиковавшего триста лет, в паническое бегство.

Значит, он действительно был силен.

Но почему же он сейчас в таком состоянии?

Цзян Шэнь действительно хотел знать.

Однако маленький лис лишь лежал у него на коленях, вяло помахивая хвостом, и молчал.

Очевидно, не хотел говорить.

Цзян Шэнь понял и не стал продолжать расспросы.

Когда лекарство было нанесено, он перевязал рану полоской ткани, поправил взъерошенную шерсть, а затем вышел к входу в пещеру — заняться рыбой, которую принёс лис.

Он достал кинжал, аккуратно распотрошил рыбу и очистил её от чешуи.

Этот кинжал, способный резать железо как грязь и благословлённый монахом, в горах использовался... исключительно для разделки провизии.

Траву у входа в пещеру он однажды уже расчистил.

Пока он занимался рыбой, боль в лапке Ли Жуаня постепенно стихла.

Он лежал на небольшой постели, которую сделал Цзян Шэнь, и мог видеть его фигуру у входа.

Теперь Цзян Шэнь очень ловко управлялся с пищей. Движения ножа были уверенными, плавными, почти изящными.

Красивый человек красив в любом деле.

Не преувеличение — смотреть было приятно.

Ли Жуань некоторое время не сводил с него глаз, и на душе у него становилось тепло.

Отношения между оборотнями обычно холодные, друзей у Ли Жуаня было мало.

Когда он раньше получал ранения, как бы он ни пострадал — никто никогда не перевязывал его и не кормил.

Сегодняшний дух хорька, которого он так жестоко проучил, сейчас, вероятно, сам зализывает раны в своём логове — и уж точно не получит такой заботы, как сейчас Ли Жуань.

Неудивительно, что смертные любят жить рядом друг с другом.

Чувствовать, что ты кому-то нужным — приятно.

— Ты чего задумался?

Маленький лис так погрузился в мысли, что не заметил, когда Цзян Шэнь вернулся с двумя очищенными карпами, нанизанными на ветку.

Он медленно стал жарить рыбу на огне и сел рядом с постелью.

— Цзян Шэнь, а я расскажу тебе про себя, — сказал Ли Жуань, сделав два шага вперёд и уронив голову ему на колени.

С тех пор как он впервые ел эссенцию Цзян Шэня, ему захотелось постоянно к нему прижиматься.

Конечно, Ли Жуань был не каким-то смертным питомцем, который ластится ради ласки — он делал это ради восстановления силы.

Он понял, что иногда, даже ничего не делая, стоит лишь приблизиться — и ему становится легче.

Цзян Шэнь воспользовался моментом и дважды погладил его по голове, слегка почесав за шеей.

Маленький лис не любил, когда кто-то трогал его за уши, но обожал, когда ему мяли загривок. Стоило сжать шерсть на шее пару раз — и он тут же размокал, а если провести рукой по спине, начинал блаженно урчать.

Всё это Цзян Шэнь выяснил постепенно за прошедшие дни.

Снаружи уже стемнело, в центре пещеры ярко горел костёр, дрова трещали и выстреливали

искрами, и огненный свет делал пещеру почти такой же светлой, как днём, добавляя ей покоя и уюта.

Цзян Шэнь долго мямл пушистый комочек у себя на коленях, прежде чем спросить:

— Почему ты вдруг решил мне рассказать?

— Потому что я считаю тебя другом, — сказал Ли Жуань, а потом сам же удивился: — А как ты понял, что раньше я не хотел рассказывать?

Цзян Шэнь промолчал.

Конечно, потому что этот лис совершенно не умеет скрывать свои мысли и не умеет лгать. Каждый раз, когда он не хотел ответить, он либо резко менял тему, либо прикидывался непонимающим.

Он и правда думал, что скрывает это хорошо?

Цзян Шэнь погладил его пару раз по спине, но не стал выводить его на чистую воду.

Ли Жуань тихонько заурчал от удовольствия и быстро забыл об неловком вопросе. Он уложил голову на колени Цзян Шэня, закрыл глаза и медленно заговорил:

— Смотри... над нашей головой, там, где высокие девять небес, — находится Небесное царство. Мир совершенно не похож на мир людей. Там нет ни болезней, ни бедствий, ни войн, ни смерти. Но смертным и оборотням просто так туда не попасть. Есть только один путь — испытать грозные тучи и небесную молнию.

— Девяносто девять ударов небесного грома. Если вынести их — можно омыть кости, отказаться от смертного тела и взойти в мир бессмертных.

Тут он внезапно поднял голову и спросил:

— Ты веришь тому, что я говорю?

Цзян Шэнь ответил:

— Почему спрашиваешь?

— Потому что другие не верят, — хвост Ли Жуаня уныло опустился. — Небесный мир существует, но они его никогда не видели.

— До того, как я пришёл на гору Чанмин, я тоже не верил, что оборотни существуют, — сказал Цзян Шэнь. — Но кто в этом мире может сказать, что видел всё и знает всё? Люди не верят тому, чего не видели. Это ограниченность.

Он и сам когда-то был таким.

Но после всего, что произошло, он больше не станет отрицать то, чего не понимает.

— Я тоже так думаю! — оживился Ли Жуань. — Вот я и жду, когда взойду. И я могу вызывать небесные тучи и гром в любой момент. Стоит мне захотеть — и я могу проходить испытание когда угодно. Даже А-сюэ так не может!

Но Цзян Шэнь нахмурился:

— Подожди. Ты говорил, что А-сюэ практиковал тысячу лет. Если даже он не может, почему можешь ты?

Ли Жуань моргнул:

— И правда... почему? Странно.

Цзян Шэнь:

— Ты только сейчас об этом задумался?

Ли Жуань, похоже, никогда не задумывался об этом вопросе. Он опустил голову, подумал, и, не уверенный, пробормотал:

— Может... у меня судьба небожителя?

Цзян Шэнь:

— И вот это создание собирается стать бессмертным?

Он вздохнул:

— Продолжай.

— Ну, дальше там нечего рассказывать, — сказал Ли Жуань. — Просто не получилось взойти. Громом меня шарахнуло так, что я вернулся к своей первоначальной форме и теперь не могу

продолжать практику. — Он потерся головой о ногу Цзян Шэня. — Поэтому мне и нужен ты, чтобы восстановить ману.

Так вот оно что.

Цзян Шэнь действительно раньше удивлялся: раз маленький лис никогда не покидал гору Чанмин, и здесь нет врагов, способных тяжело его ранить, то откуда же у него такие серьёзные травмы и почему он откатился до звериной формы?

Оказалось — от небесного грома.

Но всё равно кое-что оставалось странным:

— Почему ты так много знаешь об Вознесении? Ты что... уже бывал там?

Маленький лис замолчал.

Цзян Шэнь сначала подумал, что лисёнок не хочет говорить, и уже собирался сменить тему, но Ли Жуань внезапно сказал:

— Я не помню.

— Не помнишь?

Ли Жуань кивнул:

— Я не обманываю тебя и не скрываю специально. Я просто... правда не помню. Не помню, откуда пришёл. Не помню, почему хотел вознестись. А-сюэ говорит, что я, наверное, слишком много раз проходил через небесную грозу, и молнии мне мозги прожгли, вот я всё и забыл.

Рука Цзян Шэня, гладившая лисёнку голову, незаметно остановилась.

Он и представить не мог.

Этот маленький лис каждый день казался таким лёгким, беззаботным, словно никогда в жизни ни о чём не думал и ни о чём не беспокоился.

Он бы никогда не догадался, что с тем стояло что-то столь тяжёлое.

Но сам Ли Жуань совсем не выглядел печальным — наоборот, ему не понравилось, что Цзян

Шэнь перестал его гладить. Он поднял голову и снова ткнулся мордочкой в его ладонь, требуя продолжения.

— Мои мозги не сломаны! — энергично сказал он. — Я просто временно всё забыл. Как только вознесусь — точно всё вспомню.

Цзян Шэнь улыбнулся и мягко ответил:

— Да. Вспомнишь.

Пока человек и лис разговаривали, рыба постепенно приготовилась.

Ли Жуаню было так хорошо, что он не хотел слезать с коленей Цзян Шэня, поэтому тот взял поджаренную рыбу, аккуратно вынул кости и кормил его с рук.

После того как они разделили двух карпов, Ли Жуань перевернулся на спину и подставил живот, требуя, чтобы его почесали.

Сегодня он снова дрался, снова поранился. Теперь, когда живот был полон, сон навалился резко. Пара движений рукой — и он уже впадал в дремоту.

Но вдруг он резко открыл глаза.

— Нельзя... нельзя спать! — пробормотал он, с трудом борясь со сном.

— Что случилось? — спросил Цзян Шэнь.

Голос лиса был сонным, едва различимым, будто он вот-вот провалится в сон:

— Ты обещал... что дашь мне... потоптаться сегодня. Я не забыл. Не думай... ну... отвертеться.

Фраза была составлена странно, но смысл ясен.

Цзян Шэнь тихо рассмеялся:

— Но ты уверен, что можешь? В таком состоянии?

— Могу... — уверенно, но полусознанно ответил лис.

Глаза у него почти закрылись — тяжёлые веки снова и снова опускались. Он сонно уставился вперёд, залез Цзян Шэню на колени и двумя маленькими лапками начал топтаться — то мимо, то едва касаясь, никак не находя место.

Цзян Шэнь некоторое время наблюдал, как тот безуспешно возится, и уже хотел уговорить его сдаться, но тут маленький лис наконец наступил — сильно, прямо в сердце.

— Тсс...! — Цзян Шэнь резко втянул воздух.

Лисёнок наконец нашёл правильное место, вцепился лапками в складку одежды и не отпускал.

Цзян Шэнь боялся даже шевельнуться — и одновременно хотел смеяться и ругаться:

— Ты что, хочешь меня прикончить? Если со мной что-то случится, о двойной практике можешь забыть навсегда!

Сонный мозг Ли Жуаня едва работал, но эту фразу он понял моментально.

Он тут же ослабил хватку и стал наступать значительно нежнее.

И чувство сразу стало совсем другим.

У маленького лиса мягкие лапки, подушечки упругие и тёплые, мягкая шерсть щекочет, а коготки он держит аккуратно спрятанными.

Каждое касание будто ступало прямо на сердце.

Дыхание Цзян Шэня сбилось, руки зависли в воздухе и никак не могли опуститься.

Цзян Шэнь с детства не любил, когда к нему кто-то приближался.

Обычно в императорских семьях мальчикам в пятнадцать-шестнадцать лет уже приводят наложниц и служанок. Даже его младшие братья к этому возрасту имели жён и наложниц.

Только покои Цзян Шэня всегда оставались пустыми.

Без всякой причины — просто отвращение. Он не хотел подпускать к себе людей с неизвестным прошлым.

Его мать-императрица даже чуть не испугалась, решив, что у него тайная болезнь, и пыталась

осторожно выведать правду. Однажды поняв, что дело не в этом, она ещё несколько раз пыталась уговорить сына.

Только имея сына под боком, он мог бы бороться за трон.

Но Цзян Шэнь никогда не придавал этому значения.

Трон изначально принадлежал ему, и даже если когда-нибудь придётся за него сражаться, он презирает подобный путь.

Поэтому за свои двадцать три года он никогда не позволял никому приближаться к себе.

Кроме вот этого глупого лиса.

Хотя... правильно ведь говорят — лисицы лучше всех умеют играть на чувствах.

Принципы, к которым Цзян Шэнь придерживался больше двадцати лет, оказываются совершенно бесполезны перед ним.

— Достаточно, — Цзян Шэнь глубоко вдохнул, пытаясь восстановить дыхание и спокойствие. — Маленький лис, хватит...

Но стоило ему открыть рот, как он понял, что маленький лис уже давно не шевелится.

Пушистый комочек лежал у него на коленях, растянувшись двумя лапками вперёд, цепляясь коготками за его одежду... но уже крепко спал.

Уснул.

Цзян Шэнь наконец смог перевести дух.

Впрочем, лучше уж так, чем если бы тот продолжал.

Цзян Шэнь не считал себя благональным человеком, но одну вещь он знал точно: он никогда не стал бы делать что-то такое с лисом.

Он осторожно взял маленькие лапки, выпутал их коготки из своей одежды и прижал лисёнка к себе.

Рядом с его постелью было маленькое гнездо, устеленное сухой травой — там обычно и спал

лисёнок.

Хотя он был очень ласковым и привязанным существом, ночью он всегда возвращался в своё гнёздышко.

Но, возможно, из-за ранения сегодня он был куда более прилипчивый, чем обычно — и уснул прямо на Цзян Шэне впервые.

Когда тот попытался переложить его в гнездо, маленький лис вдруг вытянул лапки и крепко ухватился за его одежду, словно почувствовав, что его тревожат.

Его мягкие лапки сжались в крошечные кулачки и не отпускали.

Цзян Шэнь осторожно разжал одну лапку — и та тут же снова ухватилась

.

Пушистый хвост тоже обвился у него вокруг талии.

Цзян Шэнь сдался: маленький лис висел на нём намертво, уткнувшись мордочкой в его грудь.

Цзян Шэнь: — ...

Он никогда в жизни не позволял никому спать рядом с собой.

Но ведь это лис, а не человек — значит, правила можно чуть-чуть ослабить... верно?

Подумав так, он тихо вздохнул и лёг, обнимая лисёнка.

Тельце лисёнка было очень тёплым, будто укрытым мягким одеялом.

Полежав с ним всего немного, Цзян Шэнь сам почувствовал сонливость и вскоре погрузился в глубокий, крепкий сон.

На следующее утро Ли Жуань проснулся очень рано.

Почти сразу он почувствовал, что что-то не так.

Но, едва придя в себя, он был ещё слишком сонным, чтобы понять, что именно.

Он машинально поднял голову — и увидел лицо мужчины совсем рядом.

Ли Жуань моргнул.

Почему Цзян Шэнь выглядит таким маленьким?

Но спустя секунду он осознал — это не Цзян Шэнь стал меньше.

Это он сам стал больше.

Он опустил взгляд... и увидел свои руки.

Он опустил взгляд ещё раз, уже не веря глазам.

Белые, тонкие пальцы, на кончиках — лёгкий розоватый оттенок.

Пальцы крепко схватили одежду Цзян Шэня.

Это больше не пушистые лапки.

Это руки смертного.

Он... снова стал человеком?

<http://bllate.org/book/14444/1277228>